

Алла Николаевна Тепляшина,
доктор филологических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет
(195426, Россия, Санкт-Петербург, Индустриальный пр-т, 13),
e-mail: a-nik@list.ru

Модус критики в структуре языковой личности

Придав художественной литературе и публицистике
непререкаемый авторитет толкователя жизни,
русское сознание ощущает её
национальным идеалом,
а её эстетику – всеобщим образцом.
В. Г. Костомаров

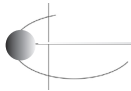
Данная статья посвящена феномену критики как формы публицистического анализа современности. Критика, как показывает исследование, идентична ироническому модусу, лежащему в основе концепции эволюции литературы, разработанной известным канадским ученым Н. Фраем. В исследованиях медийного дискурса актуализируется понимание критики как способа социально-эстетической регуляции развития определённых явлений и процессов и восприятия их обществом. Глубина публицистического анализа зависит от структурных составляющих языковой личности журналиста. Механизмом реализации функций критики выступают интерпретация, объяснение, репрезентация, прогностическая направленность оценок, коммуникативные возможности, редуцирование мыслительных процессов. В контексте иронического модуса конституирующую основу критической деятельности языковой личности следует рассматривать с двух точек зрения. В единичном проявлении она предстаёт как выявление коммуникативно-прагматического (практического) вида мышления, протекающего в условиях эстетического восприятия и эстетического переживания. С другой стороны, философско-социологический подход к феномену критики позволяет сосредоточить внимание на объективном гносеологическом содержании и социальных функциях критической деятельности. В этом смысле критика – один из видов социально-преобразующей деятельности с социально-регулятивной, эвристической и эстетико-аксиологической функциями. Между модусами критики и публицистики, выделяемыми автором как языковой личностью, различия несущественны. Соотношение методов образующих установок в этих видах деятельности выступает как структурно-однотипное. Социально-регулятивный момент в обоих случаях доминирует, хотя и зависит от языковой активности автора, отдающего предпочтение ироническому модусу как наиболее отвечающему вкусу эпохи. В контексте иронического модуса находят своё жанровое инвариантное выражение авторская колонка.

Ключевые слова: публицистический анализ, критика, модус, ирония, социально преобразующая деятельность, языковая личность, жанровый инвариант.

Alla Nikolaevna Teplyashina,
Doctor of Philology, Professor,
St. Petersburg State University
(13 Industrial Ave., St. Petersburg, Russia, 195426),
e-mail: a-nik@list.ru

Criticism Modus in the Structure of Linguistic Personality

This article is about phenomenon of criticism. Criticism is seen as a form of journalistic analysis of the present. Criticism is identical to ironic mode. The ironic mode is the concept of evolution of literature. The concept of mode was developed by famous Canadian scientist N. Frye. In studies of media discourse understanding of criticism is updated. Criticism is seen as a way to understand the social and aesthetic development of the regulation of certain phenomena and processes. The depth of journalistic analysis depends on structural components of the language personality of a journalist. Interpretation, explanation, representation, predictive focus assessments, communication capabilities, the reduction of thought processes together are the mechanism for implementing the functions of criticism. Criticism is established as a core language personality. In the context of the ironic mode, the criticism should be considered in two aspects. In a single manifestation, it appears as identifying communicative-pragmatic (practical) kind of thinking. This kind of thinking is produced in the context of aesthetic perception and aesthetic experience. The philo-

sophical-sociological approach to the phenomenon of criticism helps to focus on objective epistemological content and social functions of critical activity. In this sense, criticism is one of the types of socially productive activities with socio-regulative, heuristic, aesthetic and axiological functions. Between the methods of criticism and journalism chosen by the author as a linguistic personality, the differences are minor. In these kinds of activity, subordination of method-forming guidelines acts as structurally similar one. Socio-regulatory point in both cases dominates. Socio-regulatory unit depends on the language activity of the author. An important condition is the degree of preference of the ironic mode by the author as the most satisfying taste of the era. Genre invariant of the essay – the editorial column – identifies itself in the context of the ironic mode.

Keywords: journalistic analysis, criticism, modus, irony, socio-transformative activities, linguistic personality, genre invariant.

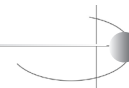
В соответствии с концепцией литературных модусов, разработанной известным канадским учёным Н. Фраем, эволюцию литературы следует рассматривать как завершаемую модусом иронии череду сменяющих друг друга форм. Иронический модус мы интерпретируем как форму критики, генерирующую смыслы публицистического анализа реальности, положенного в основу как литературы, так и журналистики. Журналистика не столько создаёт способы понимания мира, сколько воспринимает возникшие в литературе архетипы определённых форм (миф, трагедия, сатира, юмор и т. п.) человеческого отношения к миру, всякий раз наполняя их конкретно-историческим содержанием и новой интерпретацией.

В исследованиях медийного дискурса актуализируется трактование критики как способа социально-эстетической регуляции развития определённых явлений и процессов и восприятия их обществом. Коммуникативные стратегии критики существенно сказываются на специфике эстетической формы контента.

Появившиеся в последние десятилетия коллективные труды, а также ряд монографических работ внесли много нового в разработку теоретических основ и методологических принципов критики. Основное внимание исследователей сосредоточивалось на выявлении общего в критике и литературоведении, в критике и художественной литературе, и в меньшей степени – в критике и публицистике. Многие учёные с большей или меньшей определённостью отмечали, что одностронний подход к изучению природы критической деятельности уже изжил себя. Стало очевидным, что онтологические параметры критики следует искать не столько опосредованно – в сопоставлении с другими видами творческой деятельности, сколько в осознании её как собственно структурного целого. Это даёт возможность избежать и крайностей односторонней трактовки природы критики, и эклектических представлений о ней. Сле-

дует исходить из того, что критика является не просто субъективной деятельностью, а неотъемлемым элементом человеческой культуры. Причём она несёт именно ей присущую функциональную нагрузку, иными словами, на неё возлагается специфическая функция, которая не может быть успешно осуществлена какими-либо иными средствами. В своём историческом развитии критика всегда более или менее тесно соприкасалась с риторикой, публицистикой, а также впитывала в себя достижения философии, эстетики, этики и других общественных наук. Рассмотрение критики в соотношении трёх неотделимых друг от друга параметров – психологического, гносеологического, социологического – позволяет составить представление о ней как о целостном виде мышления и творческой деятельности.

Появление критики как таковой вызывалось известными общественными потребностями. Долгое время до появления массовой прессы критика реализовала себя в эпистолярных жанрах, в художественных произведениях, публичных выступлениях и т. д. С XVII века – времени появления периодических изданий – критика постепенно выделяется в профессию, цель которой состоит не просто в оценке художественного произведения, но и в осуществлении своеобразного контроля за жизнью социума в соответствии с выработанными обществом ценностными ориентациями. Она превращается в интеллектуальное осознание культуры после длительной эволюции, на протяжении которой вырабатываются критические принципы, «когда критика ещё не является собственно критикой, когда она еще не имеет "чистого" критического голоса и выступает, как правило, в сочетании с наукой или литературой как искусством слова» [8, с. 168]. В 70-х годах XX века в отечественном литературоведении довольно активно утверждается представление о критике как о виде публицистического творчества. В большей или меньшей степени

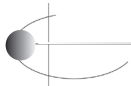

подобную точку зрения разделяют В. И. Баранов, А. Г. Бочаров, Н. С. Гаранина, В. М. Горохов, В. И. Здорова, М. Г. Зельдович, В. Я. Канторович, Е. П. Прохоров, Ю. И. Суровцев и др.

Публицистические установки, характер аргументации, некоторые общие функциональные черты дают основание рассматривать критику как ветвь публицистики. В современных исследованиях всё чаще главный акцент делается не на научных или художественных элементах, а на публицистически злободневной задаче критики, обусловленной социально-эстетическими потребностями реальной действительности. В последние годы весьма активно разрабатывается (в частности, И. В. Кондаковым) концепция критики как своеобразного «комплекса» науки, литературы и публицистики. При этом характерны попытки не просто отделить критику как от науки о литературе, так и от самой литературы, но и, учитывая наличие в ней и научных, и художественных элементов, рассматривать её как функциональную часть журналистики. Однако здесь следует принять во внимание, что критика взаимодействует с журналистикой прежде всего на основе интенсивного использования каналов массовой коммуникации, которые являются наиболее удобными для осуществления ею своих функций. Поскольку целостный феномен и при таком подходе не «вырисовывается», исследователи (Б. М. Бернштейн, М. Голашевская, Р. Т. Громяк, М. С. Каган, В. А. Коваленко, В. Кубилюс, А. С. Курилов, П. А. Николаев, С. Х. Раппопорт, В. К. Скатерщиков, Д. В. Стариков и др.) всё чаще говорят о критике как об особом виде деятельности, в котором сочетаются качества науки, литературы, публицистики. В своей целостности критика предстаёт как вполне определённый социальный институт, продукт которого получает преимущественно активно-действенный характер, а не только характер духовного освоения мира. Статус критики как социального института коренным образом меняется с распространением периодической печати, когда она утверждается и функционирует на стыке журналистики, художественного творчества и научного анализа. Предметное своё выражение критика получает в деятельности общения, вызываемой необходимостью обмена разного рода информацией в общественной жизни. Такое общение не является стихийным, случайным. Ведь субъект при этом осуществляет коммуникативную деятельность, которая преследует известные цели опреде-

лённой общности людей. Критика трансформирует социальный императив в требования, с одной стороны, отвечающие природе эстетической деятельности, с другой – отражающие социально-психологический уровень эстетического сознания общества. Именно подобным образом она осуществляет свои социальные функции. Следует здесь только отличать их от определённых задач, решение которых обеспечивает реализацию функций социального института, но не подменяет её. Механизмом реализации функций критики выступают: интерпретация, объяснение, репрезентация, прогностическая направленность оценок, коммуникативные возможности, редуцирование мыслительных процессов и т. п. Таким образом, конституирующую основу критической деятельности следует рассматривать с двух точек зрения. В единичном проявлении она предстаёт как выявление коммуникативно-прагматического (практического) вида мышления, протекающего в условиях эстетического восприятия и эстетического переживания. С другой стороны, философско-социологический подход к феномену критики позволяет сосредоточить внимание на объективном гносеологическом содержании и социальных функциях критической деятельности. В этом смысле критика – один из видов социально-преобразующей деятельности, которой осуществляются социально-регулятивная, эвристическая и эстетико-аксиологическая функции. Причём выполнение каждой из них предполагает как обязательное условие выполнение и двух других. Между методами критики и публицистики различия несущественны. Соподчинение методообразующих установок в этих видах деятельности выступает как структурно однотипное. Социально-регулятивный момент в обоих случаях доминирует. Существенное же их отличие состоит в том, что оценка в критике всегда носит эстетический, а в публицистике – социально-практический характер.

Дискурс критики – это безграничное поле взаимодействующих систем массовой коммуникации и их текстов. Критика и публицистика имеют корни в фольклоре, народном творчестве. Публицистика связана не только с профессиональным, но и с непрофессиональным творчеством. «Живые» тексты, выражающие неофициальное, народное мнение, противостояли текстам официальным. Смелая, нелицеприятная народная критика существовала всегда. Функции публицистики выполнял фольклор. Известно, что «фоль-

клор генетически восходит к эпохе формирования человеческой речи, то есть возник 10–13 тыс. лет тому назад» [1, с. 108].

Переход к коммуникационным технологиям, начавшийся с появления текста в системе средств массовой коммуникации, был «одним из величайших завоеваний человеческой культуры, которое повлекло за собой и более поздние изобретения – музыкальной нотации, фотографии, а затем воспроизводящих устройств – и обеспечило накопление и обобщение достижений науки и искусства в глобальных масштабах» [1, с. 100]. Но этот процесс сопровождался разрушением «живого контакта между субъектом и объектом информации, расщеплением актов творчества (исполнения) и восприятия, распадом синкретичности и потерей очень важных в эмоциональном и изобразительном отношении вне-текстовых элементов, потерей возможностей “обратной связи” и “эффекта присутствия”, затуханием творческих импульсов на полюсе восприятия» [1, с. 94].

В отечественных исследованиях XX века наблюдается тенденция к смешению особенностей эссе и других художественно-публицистических жанров: очерка, памфлета, фельетона, синтезируемых в авторскую колонку. Такую тенденцию можно считать неправомерной, поскольку сведение жанровой специфики эссе к отличительным свойствам других жанров влечёт за собой пренебрежение самобытностью эссе, которое имеет свою историю, пользуется в настоящее время огромной популярностью, следовательно, заслуживает пристального внимания.

Эссе как произведение публицистики – особый жанр словесности, который требует от автора умения сочетать различные качества: писательский талант, способность к острой полемике на любые темы, бескомпромиссную и определённую эстетическую позицию, отстаиваемую в любом произведении. Однако сама идентификация публицистического текста как художественного представляет определённую сложность. Вопрос о том, какое место в литературно-художественном процессе занимает публицистика, относится к разряду полемических. Например, академик В. Г. Костомаров утверждает, что «некоторые просто негодуют, когда под текстом понимается любое словесное произведение, а не только эстетически ценное художественное. Лишь недавно нехудожественные тексты (из газет и иной периодики, научных статей и книг, деловых документов и, наконец, – с по-

явлением магнитофонов – из записей устных разговоров) стали объектом серьёзного исследования» [10, с. 35].

Истинно художественное высказывание без потерь для его смысла и эстетического эффекта возможно выразить только теми средствами, которые предлагает публицист. Существенным является вопрос о соотношении эстетического и публицистического начала в медиакритике, изучение которого осуществляется с помощью таких категорий, как авторская позиция, языковая личность, образ автора и др. Эстетическая функция, являясь важным приёмом удержания внимания, принципиальна именно в публицистических текстах, где подчинена задаче изобразительности в интересах реализации образа автора. Чем ярче, талантливее автор, тем свободнее в его текстах обретается всё, что есть в языке, тем меньше повторов, тем оригинальнее отражается образ автора, видение им мира, его позиция. В эссе наиболее убедительно проявляется личность автора, темперамент, стиль.

Согласно Л. Г. Кайда, «позиция автора – это социально-оценочное отношение к фактам, явлениям, событиям» [4, с. 58]. Автор-публицист предстаёт перед аудиторией как личность с определёнными морально-нравственными принципами; его чёткая позиция находит выражение в каждом тексте, обуславливая уникальность и эффективность созданного произведения. Базовая, опорная система, совокупность определённых структурных компонентов лингво-антропологической природы в макросистеме внутренних личностных структур человека, обеспечивающая осознание, функционирование и регулирование процессов, происходящих в таких личностных структурах, как физиологическая, интеллектуальная, психолого-эмоциональная, сексуальная, социальная, в науке определяется как языковая личность. Языковая личность – это не только языковая потенция человека, не только его представления о языке, не только индивидуальный вариант национального языка, но и главным образом сложнейший комплексный механизм познания, номинации и семантизации мира. Языковая личность – это результат процессов сознания, мышления, вообще деятельности, основанной на реализации антропологических функций – креативной и этико-эстетической. Это система, обеспечивающая функционирование всех сфер познания/ деятельности – социальной, коммуникативной и прагматической в том числе [4, с. 59].

Словосочетание «языковая личность» в качестве термина впервые употребил академик В. В. Виноградов; в широкий научный оборот данный термин был введён Ю. Н. Карауловым, определившим «языковую личность» как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определённой целевой направленностью» [7, с. 3].

Процессы мышления, познания, номинации, семантизации, текстообразования и языковой деятельности в целом активируются, реализуются и интенсифицируются за счёт постоянной работы таких антрополингвистических функций языковой личности, как креативная и этико-эстетическая.

Языковая личность проявляется в творчестве. Ю. Н. Караулов утверждает, что языковая личность является видом полноценного представления личности, вмещающим в себя и психический, и социальный, и этический и другие компоненты, преломлённые через её язык, её дискурс [7, с. 8]. Глобальная стратегия автора-публициста – убедить читателя в своей точке зрения на описываемую ситуацию или событие. Эта глобальная стратегия реализуется с помощью частных коммуникативных стратегий и тактик, являющихся способом развёртывания текста.

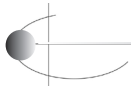
Следует отметить универсальный характер категорий текста, основу которого составляет целостность и связность. Л. Г. Бабенко, автор ряда монографий и учебников по текстоведению, считает, что целостность (или цельность) текста обусловлена концептуальностью текстового смысла; связность обеспечивается наличием категорий информативности, интегративности, завершённости, хронотопичности и др. Также выделяются такие важные признаки, как антропоцентричность, диалогичность, единство внешней и внутренней формы, развёрнутость и последовательность, напряжённость (эстетически обусловленная прагматичность, концептуальность и образность), интерпретируемость.

Текст как звено коммуникативного акта всегда содержит информацию, которую условно можно разделить на 1) содержательно-фактуальную; 2) содержательно-концептуальную (авторское понимание описываемых событий в их причинно-следственных связях и значимости в жизни); 3) содержательно-подтекстовую (связанную со способ-

ностью текста порождать ассоциативные и коннотативные значения, «приращивать смыслы» [3, с. 27]. Подтекст – это угадываемая мысль, которая запускает мыслительный процесс в умах читателей. Ироничный подтекст представляет собой наиболее полную, органичную и острую форму диалога автора и читателя. «Предметы, лица, действия, называемые и воспроизводимые здесь, внутренне объединены и связаны, поставлены в разнообразные функциональные отношения. Все это сказывается и отражается в способах связи, употребления и динамического взаимодействия слов, выражений и конструкций во внутреннем композиционно-смысловом единстве словесно-художественного произведения. Важно не забывать, что в тексте вообще всё выражено словесно, что реально, в опыте нам дана лишь его “словесная ткань”. В то же время ясно, что состав речевых средств в структуре литературного произведения органически связан с его “содержанием” и зависит от характера отношения к нему со стороны автора» [2, с. 91].

Эмпирической основой для анализа языковой личности послужили публицистические тексты петербургского критика Татьяны Москвиной. Основным типом изучаемых текстов стали публикации, посвящённые новым произведениям кино, театра, литературы, но не являющиеся по сути рецензиями, поскольку автор в большей степени пишет о социально-политических проблемах современного российского общества, которое живёт в условиях закрепления новых морально-этических отношений, соответствующих новым политико-экономическим и культурным реалиям. Автор интересен своей интерпретацией события или ситуации. Выступление в прессе для Т. Москвиной – всегда возможность поставить важную и актуальную проблему и проанализировать тенденции общественно-политического развития в соответствии с собственной системой взглядов, выражающей определённый способ видения, понимания, трактовки каких-либо явлений, процессов и презентующей ведущую идею или/и конструктивный принцип, реализующие определённый замысел.

На первый взгляд, тексты массмедиа по основным параметрам схожи с текстами разговорными – по безграничности и непредсказуемости тематики, по имитации естественной культурной обстановки, связи со звучанием, привлечению неязыковых выразительных средств и пр. В содержательном плане только разговорность, действительно, столь же не

ограничена, как и массовая коммуникация, в тематике и в привлечении самых различных, в том числе и невербальных, выразительных средств. Тексты Т. Москвиной отвечают традициям классической риторики: автор разумно и доброжелательно строит речь, соблюдает должное в её содержании, построении, не только вызывая эмоции, но и «приводя предмет речи» в соответствие с её нормой («говорить как все», но только чуть лучше), открывать новые стороны в предмете речи, высказываться уместно, подобающе, ново, выразительно, эффективно. Следует отметить, что понимание силы медийного текста в разговорном стиле пришло не сразу, оно рождалось в борьбе с долгой боязнью живого слова в газете.

Любая выразительная единица в произведении приобретает особую окраску, при этом Москвина кардинально отличается от тех авторов, которые в поисках выразительности, необходимой для осуществления художественного замысла, т. е. для построения своего «образа», уходят в крайности, необоснованно занимаются индивидуальным словотворчеством, не считают с логикой словосочетаемости, нарушают грамматические нормы, прибегают к индивидуальной орфографии, отказываются от правил пунктуации.

Среди важных характеристик языковой личности Москвиной выделяется искренность. Именно в искренности академик В. Г. Костомаров видит основу успеха как обычного общения, так и общения автора с читателем [10, с. 37]. Быть искренним, честным и смелым – профессиональный долг публициста.

Вербально искренность достигается через применение естественных, простых, экспрессивных, «человеческих» слов, выражающих чувства. Искренно восхищение: *«Вроде бы женщина, прекрасная женщина ... а вроде как и не совсем человек. То есть человек, но не из грешной плоти. А будто бы из камней драгоценных или металлов драгоценных. "Порода" – так ведь говорят и о людях, и о рудах»* [14]. Искренно возмущение: «Для начала возьмём сочинение Андрея Дмитриева “Крестьянин и тинейджер” – возможно, нелепое название скрывает что-то интересное? Но первая фраза романа – “Так мучил зуд в ногах, что Панюков почти не спал всю ночь” – скорее, отвращает от дальнейшего чтения. Человек с противной фамилией Панюков снабжён ещё и зудом в ногах. При этом упомянутый зуд ничего особенно не значит, поскольку автор пишет дальше вот что: “В пять утра встал, подоил ко-

рову, выгнал ее пастись на пустошь за дорогой. На утреннем июньском холоде зуд утих, и Панюков вернулся в дом досыпать”. И что мешает нам предположить, что и вся книга похожа на этот бессмысленный зуд?» [15].

Следует согласиться, на наш взгляд, с В. Г. Костомаровым, который признаёт разговорный текст разговорным не потому, что в нём бросается в глаза обилие сниженной лексики, «взволнованный» синтаксис, а потому, что вектор разговорности направляет общающихся на повышенную личностность и экспрессивность, добиться которых естественнее и проще выбором именно таких языковых средств и конструкций» [10, с. 39].

Одним из эффективных способов является воздействие на эмоциональную сторону восприятия, путём придания речи определённой выразительности, эмоциональности, которую можно достичь при помощи афористичности – особой речевой организации, объединяющей в себе, с одной стороны, ёмкость, содержательность и глубину, с другой – неожиданность, парадоксальность и оригинальность способа выражения мысли:

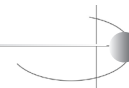
– Завидовать имеет смысл чему-то одному: голосу, карьере, семейному счастью, здоровым детям, богатству. Когда же перед нами всё вместе и сразу – завидовать бессмысленно, это – избранник. На нём благодать. Надо стараться быть к нему поближе [15].

– Разве архитектора, получившего бюджет, что-то может остановить? Проще остановить игрока, у которого пошла карта [16].

– Из всего многообразия форм органической жизни на Земле наиболее пригодны для нашей любви дети, домашние животные и актёры [17].

Одним из языковых средств, способствующих афористичности текста, является использование в речи прецедентных феноменов, отвечающих одной из характеристик публицистического дискурса – интертекстуальности. Интертекстуальность – это «устройство, с помощью которого один текст перезаписывает другой текст, а интертекст – это вся совокупность текстов, отразившихся в данном произведении, независимо от того, соотносится ли он с произведением *in absentia* (например, в случае аллюзии) или включается в него *in praesentia* (как в случае цитаты)» [11, с. 48].

Т. Москвина создаёт нужный стиливой эффект, используя все формы комического, от безобидного юмора до сарказма, который оскорбляет оппонента, не оскорбляя его слух инвективной или обценной лексикой.

«Что я ненавижу» – программное произведение. Т. Москвина парадоксально утверждает, что ненависть – это универсальный метод познать себя. Прозаические вариации на тему песни Высоцкого «Я не люблю». Только гораздо... жёстче [18].

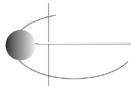
«Я, оказывается, совершенно ненавижу, когда крупная собака, растопырившись, садится гадить на газон или прямо на тротуар, а хозяин с ласковой нежностью смотрит, как дерьмо вылезает из-под её хвоста. Поскольку все домашние животные – это не животные, а мохнатое подсознание хозяев, трактовка этой сцены недвусмысленна... Определённо я ненавижу массивных подростков мужского пола. Все они похожи на какого-то одного общего предка. Подростка-прародителя, который когда-то, в юном творящемся мире, гоготал, сплёвывал, сморкался, матюгался, шёл вперевалочку – и все последующие подростки пытаются овладеть его великим образом... Ненавижу, когда в телевизионной рекламе используют псевдонаучные слова».

Часто объектом критики становятся очередные реформы. Так, в памфлете «Новые “Старики-разбойники”» по поводу монетизации льгот она пишет: *«Народные зубы щёлкнули – раз, два, три... пока что тихо, смиренно, мол, разрешите, Ваше превосходительство, по нужде на общем транспорте безвозмездно доехать... не имею достатков... воевал, трудился... инвалидность... Чернобыль... Чечня... блокада... да что же ты, Ваше превосходительство, морду-то воротишь! А ну, поговори с народом! И “Ваше превосходительство”, которое... русскую историю двадцатого века с “девятысот пятым” и “девятысот семнадцатым” не успело забыть, как-то смутилось и заметалось...»* – и далее: *«Одно приятно: январские бунты привели к тому, что как-то вздрогнули и скривились чугунные лики “единороссов”».* Москвина проводит социальный эксперимент: месяц пытается жить на 1254 рубля, минимум, установленный правительством. О неутожительных результатах рассказывает в памфлете «Дорогая жизнь»: *«“Килька балтийская, обжаренная, в томате” – 7 р. банка. Килечка балтийская! Спасибо тебе, милая подруга! Как ты скрасила мне тоскливые дни Социального Эксперимента, заполненные овсом и гречкой!»* [19].

По поводу введения в России нового праздничного дня (4 ноября) у Т. Москвиной имеется своё мнение. Она остроумно подмечает, что по сравнению со славной русской

историей история дня сегодняшнего выглядит, мягко говоря, не такой уж славной, и во многом это больше напускное величие и напускной патриотизм: *«Предполагается, что его (праздник – А. Т.) будут праздновать 4 ноября, когда в 1612 году ополчение, собранное усердием купца Минина, под водительством князя Пожарского изгнало поляков из Кремля. “Эк куда метнул!” Понимаем... Поляки, конечно, тут решительно ни при чём. А причём тут царь Борис, из-за которого и заварилось Смутное время. А совсем недавно у нас тоже было – ну, не Смутное, но Смутненькое время, – и там тоже фигурировал правитель по имени Борис и вредные для России граждане с извилистыми фамилиями на “-ский”. Вот какие имеются в виду поляки! (Один такой поляк аккурат в конце октября прошлого года и загермел под фанфары.) И поскольку эти самые “-ские” изгнаны с русской земли, то прошлую и нынешнюю победы вполне можно объединить в единую мистерию тотального торжества сильной русской воли. То, что в 1612 году состоялась полновзвучный народный подвиг, а в наши дни – нечто вроде поджога помойки, никогда сегодня не смутит. Любая подделка всегда норовит прильнуть к оригиналу. Полиэтиленовая “империя”, цена которой – три копейки в базарный день, хочет обзавестись солидными историческими аналогиями, украсить свой нагой тыл павлиньими перьями»* [20]. «Нагой тыл» – результат падения культурного уровня страны. Этой теме посвящён памфлет «Вперёд к тираннозаврам», обличающий новую мораль, которую насаждает телевидение. *«Реалистический лик новой морали планомерно прорастает в эфире, – убеждена Москвина, – и несколько удивляет своими первобытно-весёлыми откровениями. Я думаю, все видели рекламу, в которой стайка демонов, притворяющаяся семейкой людей, пожирает йогурты. Папашка, быстренько стрямакав свою порцию, жизнерадостно говорит сынку: “Смотри, там за окном – тираннозавр!” – после чего, без тени смущения, уплетает йогурт собственного сына. Сынок, однако, горюет недолго, знает, чем уесть папашку. “Папа, смотри, твою машину угоняют!” Тот бросается к окну – а сынок, таким образом, отбирает назад свой йогурт. “Нет, папа, похититель, наверное, тираннозавра испугался, ха-ха-ха”. Тут высовывается мамаша, глазами ласковой змеи глядящая на милых домочадцев, развлекающихся любимой тюремной забавой “отбери хавку на понт”. Уже этих*

рекламных мамаш, которые кормят своих якобы детёнышей редкостным дерьмом из мёртвой пищи и при этом делают вид, что приятно утомились от семейных хлопот, вообще ничего нет. Твари» [21]. Т. Москвину возмущает, что правительство не предпринимает никаких шагов, чтобы если уж не повысить культурный уровень населения, так хотя бы не замусоривать окончательно мозги молодого поколения. В продолжение этой темы она пишет памфлет «Американская духовка», в котором не скрывает боль за родной Петербург. Т. Москвина говорит о том, что иностранцы, приезжая в Петербург, стремятся побывать в лучших музеях, познакомиться с великими произведениями искусства, прикоснуться к прекрасному, посмотреть поистине лучший в мире русский балет и послушать оперу в Мариинском театре. А правительство не финансирует учреждения культуры, в городе открывается всё больше казино и кафе. «В то время, когда на родине Толстого и Достоевского главные телеканалы встают на четвереньки перед придурками и ласково мычат, пытаясь увеличить надои рейтинга, когда идёт тотальная дебилизация основных средств массовой информации, когда предел умственных усилий жителей Санкт-Петербурга заключён в чтении журнала «Панорама ТВ», а на местном вещании истребляют любые признаки интеллекта с криком «вон 'духовку'! Мы перекормили народ культурой!» – Америка готова трепетать перед всем, что новая поганая метла готова вымести на свалку истории. ... Там, кажется, интересный процесс намечается – по более массовому, чем было раньше, превращению обезьяны в человека. А у нас, видно, наоборот» [22].

Что же остаётся тогда Петербургу? «Хоронить!» – констатирует Т. Москвина, – уж больно для этого подходит наша дождливая погода и строгая величественная архитектура. В ответ на бурное обсуждение в СМИ намерения захоронить прах матери Николая Второго императрицы Марии Фёдоровны она пишет памфлет «Давайте похороним!», где справедливо замечает, что «наш город оживает только в одном случае – когда есть надежда кого-то похоронить... Судя по радостному трепетанию СМИ, сведениями обо всех этапах развития этого сюжета нас накормят до отвала, суповой ложкой. А о кульминации и говорить не приходится – несколько дней прямого эфира нам обеспечено, от репортажа с борта корабля, везущего прах императрицы, – до интервью у

могилы с Никитой Михалковым, который опять будет топтаться возле усыпальницы русских царей с видом глубокого родственника» [23]. Т. Москвина предлагает организовать ООО «Санкт-Петербург – Царские похороны» и включить этот вид деятельности в бюджет города основной статьёй дохода.

Т. Москвина не пессимист, её критика власти конструктивна. Она призывает своих читателей жить и бороться за свои права, за будущее своих детей: «И тем не менее, назло всем, я собираюсь жить, причём в России, причём долго. Я буду жить назло и приглашаю всех со мной согласных в мою партию. Назовёмся, скажем так: «ЖИТЕЛИ ПРОТИВ». Вступающий в партию «ЖИТЕЛИ ПРОТИВ» обязуется быть здоровым физически, бодрым умственно, опрятным нравственно, активно бороться против врагов и всемерно способствовать здоровой и бодрой жизни товарищей по партии. Ближайшие задачи: дожидаться окончания периода дожития некоторых лиц, причастных к новым социальным реформам... Ха, мы им покажем дожитие! Пусть у них печёнки лопаются от устриц и паштетов, а мы на гречу наляжем – и будем здоровёхоньки... Оказывается, в документах правительства РФ существует официальный термин для определения того периода жизни социального человека, что расположен между выходом на пенсию и уходом в лучший мир. Это называется – «период дожития»... И Питер как-то держится на плаву благодаря в том числе и «дожителям». У меня мама – такой «дожитель», кандидат технических наук, изобретения имеет, патенты – и когда я ей пытаюсь сунуть деньги, не берёт, говорит: «Зачем? Я не нуждаюсь, у меня пенсия». И подружки у неё такие же – чистые, достойные люди» [24]. Эта подчёркнуто-сдержанная по тональности фраза многое объясняет не только в образе мыслей Т. Москвиной, которая верит в достойных, сильных духом людей, но и в сатирической публицистике как виде творчества, и памфлете как жанровом архетипе сатирической публицистики. В основе памфлета – патетика серьёзной этической, нравственной проблемы, которая восходит к общечеловеческому идеалу. Автор публицистического текста – это аналитик, критик, проповедник, и одновременно собеседник, располагающий к искреннему диалогу. Главная задача – адекватное и наиболее полное восприятие читателем идеи, заложенной автором в текст и подтекст произведения. В заключение отметим, что ещё А. А. Потебня го-

ворил о том, что содержание художественного произведения развивается не в художнике, а в понимающем. Понимание – творческий интеллектуальный процесс, успешность которого зависит не только от воспринимающего текст, но и от автора, который должен запрограммировать возможность той или иной интерпретации. Это происходит на основе осмысления, заданного автором, за счёт выбора и соответствующего распределения слов.

«Для автора-публициста, – пишет Н. И. Клушина, – задача адекватного прочтения и понимания созданного им публицистического текста тесно связана с задачей воздействия на адресата: читатель должен не только понять предложенную ему информацию, но и включить её как составную часть в собственную картину мира, то есть под влиянием публицистического текста индивидуальная картина мира реципиента должна транс-

формироваться в заданном автором-публицистом направлении» [9, с. 33]. Текст – это не только картина мира, но и пространство мировоззрения самого автора. Эссеист не способен быть «объективным», так как «эссе – это продукт давления двух очевидно противоположных авторских намерений: описать реальность такой, какая она есть, и навязать свой взгляд на неё» [13, с. 138]. Интерпретируя актуальные события, публицист моделирует мир собственных чувств и отношений; в этом смысле можно говорить о художественно-эстетическом эффекте публицистического произведения. По мнению английских учёных Роберта Скулза и Карла Клауса, «в любом эссе голос, говорящий с нами, вступает в отношения лишь с нами. Мы сами и эссеист – герои эссе, так как он пытается убедить нас принять его взгляд на рассматриваемый предмет» [12, с. 56].

Список литературы

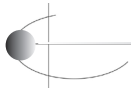
1. Аникин В. П. Историческая периодизация русского фольклора в свете комплексного анализа его традиций // *Вопр. философии*. 1972. № 6. С. 92–110.
2. Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М., 1959. 656с.
3. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981. 140 с.
4. Кайда Л. Г. Позиция автора в публицистике. Стилистическая концепция // *Язык современной публицистики: сб. ст. / под ред. Г. Я. Солганика*. М., 2005. С. 58–66.
5. Казарин Ю. В. Основы текстотворчества (мастерская текста). Екатеринбург, 2008. 196 с.
6. Караулов Ю. Н. Русская языковая личность и задачи её изучения // *Язык и личность / под ред. Д. Н. Шмелёва*. М., 1989. С. 3–8.
7. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 2010. 264 с.
8. Коваленко В. Что есть критика // *Неман*. 1977. № 1. С. 168–181.
9. Клушина Н. И. Стилистика публицистического текста. М., 2008. 242 с.
10. Костомаров В. Г. Наш язык в действии. М., 2005. 287 с.
11. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. М., 2008. 240 с.
12. Scholes Robert and Klaus Carl H. *Elements of the essay*. New York, 1969. 86 p.
13. Terrasse Jean. *Rhetorique de l'essai litteraire*. Montreal, 1977. 156 p.

Источники

14. Москвина Т. Исполин Галина // *Аргументы недели*. 2012. 20 дек.
15. Москвина Т. Первая фраза: Читать ли дальше? // *Аргументы недели*. 2012. 22 нояб.
16. Москвина Т. Летний сад // *Аргументы недели*. 2014. 16 июня.
17. Москвина Т. Вы счастливы, дурашка // *Пульс*. 2015. 11 янв.
18. Москвина Т. Что я ненавижу // *Пульс*. 2014. 27 февр.
19. Москвина Т. Новые «Старики-разбойники» // *Пульс*. 2013. 19 нояб.
20. Москвина Т. Полиэтиленовая империя // *Пульс*. 2012. 5 нояб.
21. Москвина Т. Вперёд к тираннозаврам // *Пульс*. 2014. 24 сент.
22. Москвина Т. Американская духовка // *Пульс*. 2015. 16 июля.
23. Москвина Т. Давайте похороним // *Пульс*. 2015. 28 сент.
24. Москвина Т. Доживем до воскресенья // *Пульс*. 2015. 29 мая.

References

1. Anikin V. P. *Istoricheskaya periodizatsiya russkogo fol'klora v svete kompleksnogo analiza ego traditsii* // *Voпр. filosofii*. 1972. № 6. S. 92–110.
2. Vinogradov V. V. *O yazyke khudozhestvennoi literatury*. M., 1959. 656s.
3. Gal'perin I. R. *Tekst kak ob»ekt lingvisticheskogo issledovaniya*. M., 1981. 140 s.
4. Kaida L. G. *Pozitsiya avtora v publitsistike. Stilisticheskaya kontseptsiya* // *Yazyk sovremennoi publitsistiki: sb. st. / pod red. G. Ya. Solganika*. M., 2005. S. 58–66.
5. Kazarin Yu. V. *Osnovy tekstotvorchestva (masterskaya teksta)*. Ekaterinburg, 2008. 196 s.

6. Karaulov Yu. N. Russkaya yazykovaya lichnost' i zadachi ee izucheniya // Yazyk i lichnost' / pod red. D. N. Shmeleva. M., 1989. S. 3–8.
7. Karaulov Yu. N. Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'. M., 2010. 264 s.
8. Kovalenko V. Chto est' kritika // Neman. 1977. № 1. S. 168–181.
9. Klushina N. I. Stilistika publitsisticheskogo teksta. M., 2008. 242 s.
10. Kostomarov V. G. Nash yazyk v deistvii. M., 2005. 287 s.
11. P'ege-Gro N. Vvedenie v teoriyu intertekstual'nosti. M., 2008. 240 s.
12. Scholes Robert and Klaus Carl H. Elements of the essay. New York, 1969. 86 r.
13. Terrasse Jean. Rhetorique de l'essai litteraire. Montreal, 1977. 156 p.

Istochniki

14. Moskvina T. Ispolin Galina // Argumenty nedeli. 2012. 20 dek.
15. Moskvina T. Pervaya fraza: Chitat' li dal'she? // Argumenty nedeli. 2012. 22 noyab.
16. Moskvina T. Letnii sad // Argumenty nedeli. 2014. 16 iyunya.
17. Moskvina T. Vy schastlivy, durashka // Pul's. 2015. 11 yanv.
18. Moskvina T. Chto ya nenavizhu // Pul's. 2014. 27 fevr.
19. Moskvina T. Novye «Stariki-razboiniki» // Pul's. 2013. 19 noyab.
20. Moskvina T. Polietilenovaya imperiya // Pul's. 2012. 5 noyab.
21. Moskvina T. Vpered k tirannozavram // Pul's. 2014. 24 sent.
22. Moskvina T. Amerikanskaya dukhovka // Pul's. 2015. 16 iyulya.
23. Moskvina T. Davajte pokhoronim // Pul's. 2015. 28 sent.
24. Moskvina T. Dozhivem do voskresen'ya // Pul's. 2015. 29 maya.

Статья поступила в редакцию 27.08.2015